

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-26-37

УДК: 316.354

СОЦИАЛЬНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Удальцова Марина Васильевна,

доктор социологических наук, профессор

*Новосибирского государственного университета экономики и управления – «НИИХ»,
Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56*

ORCID: 0000-0002-6348-5549

kaf-soc-lab@nsuem.ru

Абрамова Елена Алексеевна,

кандидат медицинских наук, доцент

*Новосибирского государственного медицинского университета,
Россия, 630091, Новосибирск, Красный проспект, 52*

ORCID: 0000-0002-9978-038X

elabr@ngs.ru

Аннотация

В статье доказывается необходимость междисциплинарного подхода к исследованию социальной реальности. Различные отрасли социального знания сосредоточивались на выявлении законов социального саморазвития и рационального действия. И сам внешний мир, и социологическая система знаний о нем носят плюралистический характер. Ответы на вопрос «Что такое современное общество?» весьма различны. Сегодня появляется и виртуальное социальное взаимодействие. Сети стали ареной борьбы за внимание целевых аудиторий, а сетевые структуры – структурами неравенства. Все явления действительности имеют определенные социальные проекции. Особое внимание обращено на учет социальных проекций таких направлений реальной действительности, как история, география, пространство, время и появление таких качественных подходов в социологических исследованиях, как темпоральность, пространственность и контекстуальность. Социальная история – это история человеческих отношений. Социальная география – это география самого пространства взаимодействия людей, определяющая выбор тех или иных занятий и образа жизни людей. И социальная история, и социальная география становятся непосредственными феноменами социологической теории и социальной практики. Показано возрастание значения организации жизни людей, ее регионализация в связи с усилением потребности в управлении этими процессами. Доминирующими характеристиками того или иного регионального пространства являются условия жизни и экологические условия. Данные

характеристики дифференцируются как в разных странах, так и в пределах отдельной страны. Их различия объясняют непрекращающуюся миграцию населения из наименее благополучных регионов в более благополучные. Для России особенно важны внутривосточные различия, действующие в течение длительного времени. Социальное управление представлено как особый тип социального взаимодействия, направленного на повышение качества жизни населения в различных региональных средах. Показаны «масштабы» доминирующих характеристик качества жизни в межвосточных исследованиях и в региональных исследованиях в пределах отдельной страны. Оценка возможностей человеческого развития страны без оценки некоторой уязвимости отдельных ее регионов в силу географических и исторических условий всегда будет неполной.

Ключевые слова: социальные взаимодействия, социальная история, социальная география, пространство, время, среда, социальное управление.

Библиографическое описание для цитирования:

Удальцова М.В., Абрамова Е.А. Социальные взаимодействия в контексте социальной истории и социальной географии // Идеи и идеалы. – 2018. – № 3, т. 1. – С. 26–37. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-26-37.

Социология – живая наука. Всем своим построением она помогает человеку ориентироваться в окружающих его явлениях.

П.А. Сорокин

Главным вопросом любой социальной дисциплины является *выявление причин* того или иного поведения людей. Особенно важен *суммарный результат* поступков отдельных индивидов. В связи с этим изначальной традицией социальных наук было содействие оптимизации развития общества и его усовершенствованию в условиях неопределенности, составляющей, по сути, атмосферу риска и постоянно сопровождающей общественное развитие. «Неопределенность, – отмечал известный английский историк А. Тойнби, – постоянная спутница людей, вышедших на широкую дорогу цивилизации» [14, с. 304]. Еще более определенно по этому феномену социального развития высказывается немецкий социолог У. Бек: «Изменение климата, разрушение окружающей среды, риски, связанные с продуктами потребления, глобальные финансовые риски, миграции, опережающие следствия новшеств в сфере генетики человека, нанотехнологии... самым непосредственным образом ставят под сомнение основы совместного проживания» [1, с. 11].

В этих условиях различные отрасли социального знания сосредоточивались на выявлении *законов социального саморазвития и рационального действия*. Имеются в виду такие отрасли, как экономика, статистика, социология, по-

литология, антропология, психология. Известно, что для социальных наук характерна одновременно и критическая и практическая направленность, что придает им особое положение в отличие от наук естественных. Данное утверждение относится и к *социологии*, которая в качестве самостоятельной дисциплины определилась только в конце XIX века, как та область социальных наук, которая основана на признании определенной *общности* между людьми, определяющей их поступки. С этого времени общепринятой методологией стало *приобретение знаний об обществе с помощью эмпирических исследований*. Эмпирический подход в социологии сближает ее с естествознанием и «основан на философском принципе существования действительности, независимой от нашего сознания, утверждая, что источником научной истины является соответствие между нашими представлениями и внешним миром» [3, с. 13].

Однако и сам внешний мир, и социологическая система знаний о нем носят *плюралистический характер*. Неслучайно Э. Гидденс определил социологию как самую опасную, дерзкую и провокационную из всех общественных наук [4]. В связи с этим и ответы на вопрос «Что такое современное общество?» весьма различны. Так, М. Кастельс считает, что это сетевое общество [10], Ж. Бодрийяр – общество симулякров [18], У. Бек – общество риска [1, 2], Э. Фромм – нездоровое общество [15] и т. д. Очевидно, необходим адекватный современному обществу его анализ, принципиальным отличием которого должна быть *междисциплинарность* [9]. Необходимость *междисциплинарного подхода* к исследованию социальной действительности вызвана *многомерностью* самой этой действительности. «Следует говорить не об однородном влиянии, а о воздействиях, взаимно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь» [11, с. 14]. И далее М.М. Ковалевский, первый русский социолог, продолжает: «...поступательный ход общества зависит... от многообразных причин биосоциальных, к числу которых можно отнести и уплотнение народонаселения, и изменение форм производства и обмена, и т. д. Одна социология может поставить себе целью раскрытие всех этих причин в их взаимодействии» [Там же, с. 44]. Конечно, основой любой социальной системы являются социальные взаимодействия, но они находятся под воздействием самых разных явлений в разных областях общественного развития, появляется даже *виртуальное социальное взаимодействие*, в котором «социальные формы жизни преобразуются в коллективные формы сетевых социальных организмов» [9, с. 8], которые с трудом вписываются в принципы и формы привычных социальных взаимодействий XX века. Появляющиеся сегодня, в XXI веке, гибридные сети людей, гаджетов, ботов в определенной мере становятся «обитателями» привычного жизненного мира. Такие понятия, как сеть, поток, мобильность, текучесть и про-

чие, ориентируют социологию на исследование в том числе и так называемой *рассеянной и темпоральной объектности*, развивают критическую концепцию теории общества. Сети стали ареной борьбы за внимание целевых аудиторий, а сетевые структуры стали структурами неравенства [10].

Можно считать, что по сути все явления взаимодействия эмпирических фактов являются социальными феноменами. Во всяком случае, они имеют определенные *социальные проекции*. В частности, если речь идет об истории, то для социологии важна *социальная история*. Если речь идет о географии, о пространственной среде взаимодействия, то важна *социальная география*. Без их учета эмпирический подход, изучающий отдельные факты, будет искажать действительность: «...люди действительно “делают собственную географию”, аналогично тому, как они “творят свою историю”» [4, с. 486]. История развивается через человека, внутренне обогащается через человека, имеет «человеческий вид». «Пути истории проходят через каждого из нас» [14, с. 651]. По мнению А. Тойнби, «общество не является и не может быть ничем иным, кроме как посредником, с помощью которого отдельные люди взаимодействуют между собой. Личность, а не общество, создает человеческую историю» [Там же, с. 254]. Но история существует там и только там, где есть время. «Время есть то поле, в котором и благодаря которому происходит смена состояний человеческого общества, а ведь именно через нее проявляется человеческая история» [Там же, с. 9]. И далее А. Тойнби продолжает: «...вся социальная действительность, включая познание истории, управляется доминирующими тенденциями времени и места» [Там же, с. 292]. Самой категории времени и сегодня, и ранее многие исследователи уделяли много внимания. Так, пониманию категории социального времени посвятили свою совместную работу П.А. Сорокин и Р.К. Мертон [13]. По М. Хайдеггеру, время есть важный горизонт (но не пространство) бытия, которое уловимо всегда лишь ввиду времени, «бытию присуща темпоральная определенность» [17, с. 19]. По словам Э. Дюркгейма, «... в основе категории времени – ритм коллективной жизни; в основе категории пространства – место проживания» (цит. по: [16, с. 102]).

Непрерывность истории, как и непрерывность пространства-времени, есть как бы «перетекание» существования человечества. Следовательно, *социальная история* – это история человеческих отношений, ее подлинный предмет – жизнь общества во всех его аспектах: внутренних и внешних. *Социальная география* – это география самого пространства взаимодействия людей, которая определяет выбор тех или иных занятий и образа жизни. «Среда влияет, если не прямо, то косвенно, и на порядок политического устройства, содействуя или препятствуя сохранению местной автономии, делая возможным только более или менее слабую связь между сохранившими свою независимость городскими и сельскими округами или, наобо-

рот, объединяя всех их под властью общего повелителя» [12, с. 347]. Анализируя положения географической школы в социологии, М.М. Ковалевский пришел к выводу, что «...физическая среда может быть условием, содействующим или препятствующим развитию общности в отдельных странах, ...ею можно до некоторой степени объяснить направление той или другой гражданственности преимущественно в сторону пастушества, земледелия или обмена и даже развития в создавшем ее населении тех или других сторон народной психики, что, в свою очередь, отражается на направлении, принятом ее художественной и отчасти умственной деятельностью» [Там же, с. 349]. И далее он продолжает: «История показывает нам, что поступательный ход был безостановочен и совершился под влиянием среды в большей степени, чем под влиянием расовых особенностей» [Там же, с. 351].

Итак, и социальная история, и социальная география «поставляют» социологии богатый материал для обобщения. А это означает, что обе они становятся непосредственными *составляющими социологической теории и социальной практики*. Данный взгляд обусловил появление таких *качественных подходов* в социологических исследованиях, как *темпоральность, пространственность и контекстуальность*. Темпоральность и пространственность содержательно ассоциируются с использованием исторических и географических приемов в исследовании социальной действительности. Контекстуальность обусловлена тем, что люди живут в разных условиях, в разных *средах*. В понятие среды включаются и человеческий, и природный факторы. Следовательно, и контекстуальность взаимодействия предполагает учет не только собственно социальной среды взаимодействия, но и физических ее аспектов: климата, особенностей территории, региона, инфраструктурного его обустройства, специализации деятельности проживающего на конкретной территории населения и т. д. Между физическими и социальными аспектами среды всегда были и есть связи, но они ранее практически не принимались в расчет. Данное обстоятельство связано с тем, что возрастает знание *организации жизни людей* и ее *регионализации*, т. е. поиск региональных факторов повышения качества жизни. Неслучайно в качестве самостоятельных выделились такие направления социального знания, как социология повседневности, социология сельской среды, социология города и т. п. Их выделение особенно продуктивно при исследовании образа жизни, уровня и качества жизни людей и отвечает вызовам *усиления потребности в управлении этими процессами*. В связи с этим возрастает значение и такого направления исследований социальных взаимодействий, как *социология управления* и ее практическая проекция – *социальное управление*. В данном случае под социальным управлением понимается особый тип социального взаимодействия, направленного на повышение качества

жизни населения в различных сферах, на обеспечение условий более качественной жизни людей в различных *региональных пространствах*. Каждое из них всегда имеет свое *содержательное измерение* и «принимает участие» в становлении систем взаимодействия в масштабах данного пространства: «...вся социальная действительность, включая познание самой истории, управляется доминирующими тенденциями времени и места» [14, с. 292]. Сегодня такими доминирующими характеристиками того или иного регионального пространства являются уровень жизни и *экологические условия*. Региональность в данном случае состоит в дифференциации «масштабов» данных характеристик как в межстрановых исследованиях, так и в региональных исследованиях в пределах отдельной страны.

Ниже приведены конкретные характеристики доминирующих индикаторов условий жизни людей в разных странах и разных регионах российского общества (табл. 1–3) [8, с. 198–200, 206–208, 238–240, 250–252].

Таблица 1

Характеристика среды взаимодействия в некоторых странах в 2015 г.

Рейтинг стран по индексу человеческого развития (ИЧР)	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США по ППС)	Коэффициент неравенства людей	Удельный вес занятого населения (% лиц в возрасте 15 лет и старше)	Уровень жизни (% удовлетворенных)	Действия по сохранению окружающей среды (% удовлетворенных)	Доверие к правительству страны (% отвечающих «да»)	Удовлетворенность регионом проживания (% удовлетворенных)
1. Норвегия	67 614	5,4	62,2	93	56	59	94
2. Австралия	42 822	8,0	50,7	86	59	48	91
3. Германия	45 000	7,0	57,6	90	64	63	94
5. Сингапур	78 162	...	65,0	84	87	91	94
10. США	53 245	12,9	61,0	74	60	35	81
16. Великобритания	37 931	7,8	59,3	84	67	46	86
17. Япония	37 268	12,2	57,3	61	51	38	82
19. Израиль	31 215	12,9	60,8	67	45	44	81
21. Франция	38 085	9,3	49,4	78	63	33	86
24. Австрия	43 609	8,5	56,8	88	72	45	92
36. Польша	24 117	9,3	52,7	68	51	21	86
42. ОАЭ	66 203	...	77,1	81	93	...	89
49. Россия	23 286	9,6	59,8	49	27	65	78
52. Беларусь	15 629	6,4	57,0	47	51	52	78
56. Казахстан	22 093	10,1	67,2	69	45	82	77
90. Китай	13 345	...	67,6	74	63	...	78
131. Индия	5663	26,5	51,9	63	56	69	78

Данные табл. 1 показывают наиболее сильную корреляцию удовлетворенности по регионам проживания с душевым национальным доходом

и уровнем жизни населения. Недовольство действиями по сохранению окружающей среды коррелирует со снижением удовлетворенности регионом проживания (Россия, Япония, Казахстан). Недоверие к правительству слабо связано с удовлетворенностью районом проживания (Польша, Франция, Израиль, США, Великобритания, Япония, Австрия). Растет понимание того факта, что ответственность за природные ресурсы возлагается на всех, начиная с отдельных людей и заканчивая властными структурами, так как эти ресурсы имеют всеобщую ценность.

В табл. 2 приведены доминирующие показатели региональной среды по федеральным округам России в 2015 году [5, с. 216, 218, 235, 275–279].

Таблица 2

Душевой доход и выбросы загрязняющих веществ в атмосферу по федеральным округам России в 2015 г.

Федеральные округа	Душевой доход		Вклад в создание совокупного ВВП (%)	Выбросы загрязняющих веществ в атмосферу (тыс. тонн)
	В долл. США по ППС	В тыс. руб.		
Россия	23 565	444,0	100,0	17400
Центральный, в том числе г. Москва	27 646 40 733	582,0 1103,0	34,9 20,8	1559 ...
Северо-Западный, в том числе г. Санкт-Петербург	24 731 28 643	490,3 246,6	10,4 4,7	2111 ...
Южный	18 288	281,1	7,1	713
Северо-Кавказский	10 127	175,9	2,6	150
Приволжский	19 524	333,0	15,3	2558
Уральский, в том числе Ханты-Мансийский АО	38 772 84 933	730,6 1937,0	13,8 4,8	3837 ...
Сибирский	20 083	349,5	10,4	5605
Дальневосточный	24 152	572,2	5,5	868

Если учесть не только душевой доход, но и качество природной среды, то наименее привлекательным для проживания населения в России является Сибирский Федеральный округ: выбросы в атмосферу самые большие: более чем в 2 раза больше, чем в Северо-Западном округе, Приволжском и даже в таком индустриальном регионе, как Уральский, – почти в 1,5 раза! При этом вклад Сибирского региона в создание совокупного ВВП совпадает с Северо-Западным и немного меньший по сравнению с Уральским! Очевидно, данный факт вполне может объяснять практически непрекращающуюся миграцию сибирского населения в Северо-Западный и Центральный регионы.

И всё же решающим фактором региональной среды проживания людей являются и доходы. В табл. 3 дается динамика душевого дохода в раз-

личных региональных средах взаимодействия людей, но уже по некоторым более дробным территориальным образованиям: в разрезе областей и краев Российской Федерации. Если в целом по России рост душевого дохода за период с 2006 по 2015 г. составил 77,8 %, то в наименее развитых территориях он стал гораздо выше: в Республике Ингушетия более чем в четыре раза, в Чеченской Республике – более чем в 2,5 раза, в Республике Калмыкия – более чем в 2,3 раза. Значительный рост душевого дохода отмечен также в Мордовии, в Новосибирской области, в Красноярском крае, Алтайском крае (включая Республику Алтай), в Республике Тыва, что в целом свидетельствует о некотором повышении уровня жизни.

Таблица 3

Душевой доход в различных региональных средах взаимодействия в России (в долл. США по ППС)

Региональная среда взаимодействия	Душевой доход			2015 г./ к 2006 г. (%)
	2006 г.	2010 г.	2015 г.	
Россия	13 252	19 674	23 565	177,8
г. Москва	28 416	39 226	40 733	143,3
г. С.-Петербург	14 310	24 551	28 643	200,1
Томская область	14 556	20 638	23 553	161,8
Красноярский край	15 993	14 372	29 924	187,5
Свердловская область	13 121	18 081	22 338	170,2
Новосибирская область	9186	13 745	19 087	207,8
Челябинская область	11 817	15 692	19 569	165,6
Республика Мордовия	6634	10 895	14 203	214,1
Республика Ингушетия	1644	4827	7186	437,1
Республика Калмыкия	4208	7185	9819	233,3
Забайкальский край	...	12 224	13 441	...
Алтайский край	6308	10 690	12 516	198,4
Республика Алтай	4800	7605	9384	195,5
Чеченская Республика	2372	4618	6390	269,4
Республика Тыва	4189	8064	8627	205,9
Республика Крым	7905	...
г. Севастополь	5876	...

Таким образом, особое внимание в ходе социологических исследований сегодня следует обращать на внутристрановые диспропорции, выявляя наиболее «структурно-непривлекательные» регионы проживания людей, которые в силу исторических и географических причин, действующих в течение длительного времени, не способны быстро обеспечить лучшие условия жизни. Оценка возможностей человеческого развития страны без оценки некоторой уязвимости отдельных ее регионов в силу географических и исторических условий всегда будет неполной.

Литература

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-историческая экономия: пер. с нем. – М.: Прогресс-традиция: Территория будущего, 2007. – 464 с.
2. Бек У. Живя в мировом обществе риска и считаясь с ним. Космополитический поворот: пер. с нем. // Полис. Политические исследования. – 2012. – № 5. – С. 44–58.
3. Всемирный доклад по социальным наукам. – М.: Магистр-Пресс, 2009. – 376 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации: пер. с англ. – М.: Академические проект, 2003. – 528 с.
5. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2017. Экологические приоритеты для России / под ред. С.Н. Бобылева, Л.М. Григорьева. – М.: Аналитический центр при правительстве Российской Федерации, 2017. – 290 с.
6. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013. Устойчивость развития: вызовы РИО. – М.: РА ИЛЬФ, 2013. – 200 с.
7. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. Россия перед лицом демографических вызовов. – М.: Academia, 2009. – 208 с.
8. Доклад о человеческом развитии. 2016. Человеческое развитие для всех и каждого: пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2017. – 284 с.
9. Игнатьев В.П. Социальная теория в контактной зоне методов естествознания: информационно-резонансный подход к интерпретации социальной реальности // Социологические исследования. – 2017. – № 3. – С. 3–13.
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Ковалевский М.М. Сочинения. Т. 1. Социология. – СПб.: Алетейя, 1997. – 287 с.
12. Ковалевский М.М. Сочинения. Т. 2. Современная социология. – СПб.: Алетейя, 1997. – 414 с.
13. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 112–119.
14. Тойнби А. Постыжение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
15. Фромм Э. Здоровое общество // Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – С. 129–452.
16. Шубрт П. Идея времени как социальной категории Э. Дюркгейма: взгляд на одну теоретическую загадку // Социологические исследования. – 2016. – № 8. – С. 98–106.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2002. – 451 с.
18. Baudrillard J. Simulacres et simulation. – Paris: Éditions Galilée, 1981. – 235 p.

Статья поступила в редакцию 12.04.2018 г.

Статья прошла рецензирование 13.05.2018 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-26-37

SOCIAL INTERACTIONS IN THE CONTEXT OF SOCIAL HISTORY AND SOCIAL GEOGRAPHY

Udaltsova Mariya,

Dr. of Sc. (Sociology), Professor,

Novosibirsk State University of Economics and Management "NINH",

56, Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-6348-5549

m.v.udaltsova@edu.nsuem.ru

Abramova Elena,

Cand. of Sc. (Medicine), Associate Professor,

Novosibirsk State Medical University,

52, Krasny prospect, Novosibirsk, 630091, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-9978-038X

elabr@ngs.ru

Abstract

The article substantiates the necessity of an interdisciplinary approach to the study of social reality. Various branches of social knowledge have been focusing on identifying the laws of social self-development and rational action. Both the external world and the sociological system of knowledge about it are of a pluralistic nature. There are different answers to the question: "What is modern society?" Today virtual social interaction is coming on the stage. Social nets have become a sphere of intense activity for the attention of target audiences, and network structures – structures of inequality. All phenomena of reality have certain social projections. The authors pay special attention to recording social projections of such areas of reality as history, geography, space, time and the appearance of such qualitative approaches in sociological research as temporality, spatiality and contextuality. Social history is the history of human relations. Social geography is the geography of the very space of people's interaction, which determines the choice of certain occupations and the way of life. Both social history and social geography become immediate phenomena of sociological theory and social practice. The authors demonstrate the growth in the importance of the organization of people's life, its regionalization in connection with the increased need to manage these processes. The dominating characteristics of a particular regional space are living conditions and environmental conditions. These characteristics are differentiated both in different countries and within a particular country. These differences explain the continuing migration of the population from the less prosperous regions to the more prosperous ones. For Russia, the intra-country differences, which are valid for a long time, are of the utmost importance. Social management is presented as a special type of social interaction aimed at improving the quality of life of the population in various regional environments. The article shows "the scope" of dominating characteristics of the quality of life in the international research and in the regional studies within a country. Estimation of the country's human development

potential will always be incomplete without assessing some vulnerability of some regions due to their geographical and historical conditions.

Keywords: social interactions, social history, social geography, space, time, environment, social management.

Bibliographic description for citation:

Udaltsova M.V., Abramova E.A. Social interactions in the context of social history and social geography. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 3, vol. 1, pp. 26–37. doi: 10.17212/2075-0862-2018-3.1-26-37

References

1. Bek U. *Vlast' i ee opponenty v epokhu globalizma. Novaya vsemirno-istoricheskaya ekonomiya* [Power and its opponents in the era of globalism: a new world-historical economy]. Translated from German. Moscow, Progress-traditsiya Publ., Territoriya budushchego Publ. house, 2007. 464 p. (In Russian).
2. Bek U. Zhivya v mirovom obshchestve riska i schitayas' s nim. Kosmopoliticheskii povorot [Living in and coping with world risk society: the cosmopolitan turn]. Translated from German. *Polis. Political Studies*, 2012, no. 5, pp. 44–58. (In Russian).
3. *Vsemirnyi doklad po sotsial'nym naukam* [World report on social sciences]. Moscow, Magistr-Press Publ. house, 2009. 376 p. (In Russian).
4. Giddens E. *The constitution of society. Outline of the theory of structuration* (Russ. ed.: Giddens E. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturalizatsii*). Translated from English. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2003. 528 p.).
5. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiiskoi Federatsii. 2017. Ekologicheskie priority dlya Rossii* [Human development report in the Russian Federation. 2017. Environmental priority for Russia]. Ed. by S.N. Bobylev, L.M. Grigor'ev. Moscow, Analiticheskii tsentr pri pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii Publ., 2017. 292 p.
6. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiiskoi Federatsii. 2013. Ustoichivost' razvitiya: vyzovy RIO* [Human development report in the Russian Federation. 2013. Sustainability: challenges of RIO]. Under general editorship S.N. Bobylev. Moscow, RA IL'F Publ., 2013. 200 p.
7. *Doklad o razvitiy chelovecheskogo potentsiala v Rossiiskoi Federatsii. 2008. Rossiya pred litsom demograficheskikh vyzovov* [National human development report. Russian Federation. 2008. Russia facing demographic challenges]. Chief authors: A.G. Vishnevsky, S.N. Bobylev. Moscow, Academia Publ., 2009. 208 p.
8. *Doklad o chelovecheskom razvitiy. 2016. Chelovecheskoe razvitiye dlya vseh i kazhdogo* [Human development report. 2016. Human development for everyone]. Director and lead author S. Yahan. Translation, editing and layout made by the Ves' mir Publ. New York, United Nations, 2017. 284 p.
9. Ignat'ev V.I. Sotsial'naya teoriya v kontaktnoi zone metodov estestvoznaniya: informatsionno-rezonansnyi podkhod k interpretatsii sotsial'noi real'nosti [Social theory in the contact zone of natural science methods: an information-resonant approach to

the interpretation of social reality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2017, no. 3, pp. 3–13.

10. Castells M. *Information age* (Russ. ed.: Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Translated from English. Moscow, GU VShE Publ., 2000. 608 p.).

11. Kovalevskii M.M. *Sochineniya*. T. 1. *Sotsiologiya* [Compositions. Vol. 1. Sociology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1997. 287 p.

12. Kovalevskii M.M. *Sochineniya*. T. 2. *Sovremennaya sotsiologiya* [Compositions. Vol. 2. Modern sociology]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1997. 414 p.

13. Sorokin P.A., Merton R.K. Sotsial'noe vremya: opyt metodologicheskogo i funktsional'nogo analiza [Social time: experience in methodological and functional analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2004, no. 6, pp. 112–119.

14. Toynbee A. *A study of history* (Russ. ed.: Toinbi A. *Postizhenie istorii*. Translated from English. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p.).

15. Fromm E. Zdorovoe obshchestvo [The sane society]. Fromm E. *Muzhchina i zhenshchina* [Man-Woman]. Translated from German. Moscow, AST Publ., 1998, pp. 129–452. (In Russian).

16. Shubrt I. Ideya vremeni kak sotsial'noi kategorii E. Dyurkgeima: vzglyad na odnu teoreticheskuyu zagadku [Conception of time as a social category by Durkheim – view on a theoretical conundrum]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2016, no. 8, pp. 98–106.

17. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Russ. ed.: Khaideger M. *Bytie i vremya*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 451 p.).

18. Baudrillard J. *Simulacres et simulation*. Paris, Éditions Galilée, 1981. 235 p.

The article was received on 12.04.2018.

The article was reviewed on 13.05.2018.